

УЖИН У ПИКАССО

Рассказ

Дрина вынырнула в мутное мелководе утреннего сна из-за монотонной, но шумной трели какой-то птицы, сидящей на ветке рядом с их домом. Вдруг птица, выводящая до того длинные *ти-и-и...ти-и-и... ти-и-и*, выпустила несколько коротких взволнованных *ти-ти-ти* и, похоже, улетела. От этого Дрина проснулась окончательно. «Не иначе как землетрясение будет», — сказала она себе. Впрочем, может, произнесла она это и вслух (у нее в последнее время стиралась грань между «про себя» и «вслух», а также между «собиралась» и «сделала» и еще между несколькими противоположными понятиями), потому что муж сказал «мгм». Это «мгм» могло означать «ну да, не иначе как землетрясение», так же как и «брось предсказывать катастрофы, дай поспать».

Куда дальше спать, семь часов, ему надо на работу! Да и ребенка пора поднимать в школу, а это — акция на две грозных Дрины и три мягко увещающих мужа. Дрина присела в кровати, стала тормозить Таро, рассказывая сон, который прервала птица своей пулеметной очередью.

— Мне приснилось, будто волосы у меня стали курчавыми и отливающими медью. А еще они шуршали. Вот я провожу по ним рукой, а они шуршат. К чему это?

Вопрос был совершенно риторический — вернее, был задан с целью, но не с целью получить *толковое* толкование сна — ничего толкового в этом она не находила и не поверила бы никаким толкованиям, окажись у нее в кровати сам Фрейд, — с Таро надо было говорить, а то он опять заснет. Ответ получился в стиле Таро:

— Шуршали? Ой, тут хорошо... давай чуть выше, выше по правой лопатке, так, так... Шуршали? Ну, это однозначно к деньгам.

Если бы у нее волосы во сне лились рекой — это тоже было бы к деньгам. Если бы она во сне роняла кувшин, и это было бы к деньгам. Когда ей однажды приснились высотные здания, к которым со свистом приближались три урагана: отчетливо красный, ясно-голубой и блестяще-желтый («Они прямо были цветными?» — «Честное слово, Таро, я сама во сне удивлялась яркости их цвета!»), когда они разгромили дом, на верхнем этаже которого она находилась и когда она падала, падала, падала — Таро, получая свой утренний разбудительный массаж и выражая пожелания «чуть больше надави на поясницу», это тоже отнес к появлению денег. Не было человека, который бы столько говорил о деньгах и который бы столь небрежно к ним относился. *Есть — хорошо, нет — тоже хорошо, будут, когда выиграет в лотерею*. За семнадцать лет их супружеской жизни выигрыш равнялся приблизительно стоимости ужина на двоих в каком-нибудь среднеприличном заведении в Гинзе. А так как появлялся он (выигрыш) маленькими порциями, с клювик той птицы, которая разбудила Дрину в это

Бранка Такахаши родилась в 1970 году в бывшей Югославии. Жила в Минске и Владивостоке, с 2009 года в Японии. Пишет прозу и стихи на сербском, русском и японском языках, а также с них и переводит.

утро, разговоры о деньгах — она хорошо знала — были таким же ритуалом, как и толкование ее сновидений.

Этим утром на его «это к деньгам» у Дрины сердце екнуло. Сегодня ей придется попрощаться с сорока тысячами йен. И она не могла дожидаться. Но сначала надо было отправить мужа на работу и сына в школу.

Дрина как-то уговорила подняться одного, другое «как-то» (шлепание по попе, встряска двенадцатилетнего организма и в конце кубик льда за шиворот) она использовала для того, чтобы поднять другого. Затем она приготовила смузи из моркови, шпината, яблока и банана, сделала завтрак, сварила кофе. Между морковью и шпинатом кричала: «Наоки, и не вздумай заснуть на диване!», очищая банан: «Таро, ты сегодня выйдешь из душа?!», пока тостер стрекотал, а она молола кофе: «Наоки, ты до вечера закончишь надевание носков?!» Попутно Дрина смотрела телевизор — *если продержится погода, то можно включить стиральную машину и полудни* — и отвечала на сообщения по мобильному телефону: *да, Наоки завтра придет на тренировку по футболу, и совещание воспитательного совета нашего района состоится двадцать четвертого этого месяца, будьте любезны присутствовать.* Пока Дрина наливала кофе, ей показалось, что первое сообщение она отправила не туда. Проверила. Правильно — надо было ответить госпоже Мацумура, а она написала господину Мацубара. Вот тот удивится, когда узнает, что «да, Наоки придет на тренировку», хотя он Дрину Судзуки, с которой только два раза коротко пересекся по работе, о ребенке ничего не спрашивал (в это утро уж точно!), и что мальчик играет в футбол — он понятия не имел. *Ну, черт, совсем плохо стала видеть без очков* — пеняла на себя Дрина и писала объяснительно-извинительное сообщение господину Мацубара, идя к балкону за полотенцем Таро (что маленький, что большой, ее мужчины редко брали с собой полотенце, когда шли в душ — *зачем им заморачиваться, когда есть Дрина, воплощение многорукого бога Шивы?*).

Да: сообщение не по тому адресу — это утренняя суматоха плюс затерявшиеся где-то очки. Да еще хроническое раздвоение-растроение внимания на много вещей одновременно. Половина Дрины существовала в Японии (родине отца), вторая половина в Сербии (родине матери), и третья половина (ну да, половин вроде бы только две, все остальные подсчеты противоречат законам математики, и тем не менее...) Дрина жила очень насыщенной жизнью в Америке (чтение книг на английском, переписка с многочисленными друзьями в Бостоне и Нью-Йорке, отслеживание всех культурных и политических событий как в той стране, так и в Великобритании и в других англоязычных странах, ведь все это было нужно в ее переводческой работе). Но и это не все. Сегодня Дрина нервничает. Ей предстоит совершить кое-что, что она хорошо продумала, но расслабиться все равно не может.

Шесть дней тому назад на благотворительном базаре в школе сына она приобрела подержанную сумку. Принцип базара таков: дети приносят из дому либо новые, либо подержанные вещи в хорошем состоянии, все это собирается в общую кучу, сортируется по категориям: игрушки, посуда, предметы личного пользования, мячи, теннисные и иные ракетки и биты, мебель, детские кроватки и коляски... Затем члены родительско-учительского совета устанавливают невысокие цены, и все собранные деньги идут на потребности школы. Такой, своего рода блошинный рынок, только нет прибыли для продающего, он не присутствует ни именем, ни лицом. Суть в том, что человек освобождается от предмета, который залежался дома, но рука не поднимается выбросить его, а другой человек покупает хорошую и нужную ему вещь по смешной цене. Короче говоря, все в выигрыше, всем хорошо. Дрине приглянулась кожаная сумка ржаво-коричневого цвета. Размер — то, что надо: не слишком маленькая, чтобы не помещались необходимые вещи, не слишком большая, чтобы выглядело,

будто сумка схватила с собой на прогулку маленькую Дрину, — и неимоверно изящной работы. Такая сумка в магазине стоила несколько десятков тысяч йен, а на базаре к ней была приклеена бумажка с цифрой сто. То, что все вещи продаются за бесценок, Дрина понимала, но на всякий случай уточнила:

— Сто йен?

Продавщицей работала мама мальчика, который учился в одном классе с Наоки.

— Да, представляешь?! Я тоже на нее положила глаз, но не могу решиться: брать ее или те две, черную и красную, что в одной упаковке?

Дрина посмотрела на те две сумки. Не кожаные, но очень стильные. Их тоже продавали за сто йен. Да, тут трудно определиться.

— А давай решим с помощью камня-ножниц-бумаги? Чтобы потом не говорить себе «а, может, все-таки надо было?..»

Та мама сразу согласилась, они два-три раза помахали пальцами, изображая то ножницы, то бумагу и камень, и Дрина стала счастливой обладательницей элегантной кожаной сумки за сто йен. Только для проформы она расстегнула молнию на сумке, посмотрела внутри, покрутила ее в руках — вещь была почти ненюшенная.

Три дня Дрина сумку только смотрела, любуясь, а на четвертый пошла по делам, одевшись так, чтобы подходила именно эта сумочка. Дрина вынула бумагу, служащую для того, чтобы сохранять форму изделия, и перед тем, как положить туда кошелек, телефон и прочее, заметила карман. В физкультурном зале, где проходил базар, было недостаточно светло, да еще молния на этом внутреннем карманчике сделана так, что ее не видно — Дрина его тогда попросту не заметила. *Ох, как хорошо, неожиданный карманчик! Туда можно положить лекарства и прокладки — а то открываешь сумку где-нибудь прилюдно, и все понимают, что у тебя месячные.* Дрина обрадовалась и расстегнула молнию. Если сумкой пользовались мало, то этим внутренним карманом еще меньше — Дрина еле засунула руку в тугое, неразработанное отверстие.

Но карманом все же пользовались. Хотя бы один раз. Дрина нащупала что-то. Она заглянула в карман — и у нее глаза на лоб полезли. Деньги! Она достала оттуда четыре купюры по десять тысяч йен. Они шуршали. Не зря в сербском сленге деньги называют «шушки»!

Первым делом Дрина подумала вернуть деньги владельцу — сумма была ведь немаленькая. Но это было невозможно: не существовало никаких списков, никто не отдавал вещи, указывая их принадлежность.

Следующей мыслью было: надо просто поблагодарить (кого-то, что-то) за подарок. *Ты ведь тоже теряла деньги? — Теряла. И их кто-то находил. А значит, ты ему делала подарок.*

Радость и благодарность у Дрины длились ровно полминуты. Она быстро спланировала, на что потратить эти сорок тысяч: туфли от испанского модельера Сибилла и, если останется, духи «Монтель». И то и другое дорого, просто так не купишь на свои кровные, но если деньги падают, так сказать, с неба, то обязательно надо устроить себе праздник.

Ровно тридцать секунд она щеголяла в шикарных туфлях и благоухала дорогими французскими духами, пока мечту не сокрушила уверенность в том, что деньги фальшивые. *Ну, конечно же! Бумага какая-то слишком жесткая, излишне шуршащая, лицо Юкичи Фукузава¹ плохого, зеленоватого цвета.* Все четыре купюры стали казаться одинаковой, плохой подделкой. Бывший владелец наверняка наслаждается, представляя, как клонувшая на приманку несчастная женщина пытается что-то купить на эти деньги и как ее отводят в сторону, как зовут полицию, как она придумывает на ходу,

¹ Юкичи Фукузава — писатель, учитель, предприниматель, один из основателей современной Японии; его изображение находится на десяти тысячной купюре.

каким образом к ней попали фальшивые деньги. Дрина захотела выбросить сорок тысяч йен, но решила сначала сравнить их с настоящими, которые муж приносит каждое первое число месяца.

Она вынула из зипка тоже четыре купюры. Хорошенько их рассмотрев, она принялась вновь изучать сорок тысяч из сумки. Вроде бы одинаковые... Хотя нет... Черт побери — непонятно!

Ладно, не буду выбрасывать, — решает Дрина и на следующий день записывается к парикмахеру. Выдерживает утомительное щебетание девушки с ножницами, которую инструктируют не только стричь и делать массаж шеи и плеч клиента, но также и развлекать его. Ничего — еще немного и она расплатится одной из тех купюр, и тогда станет ясно, можно ли ими пользоваться. Кассы везде оснащены прибором для проверки подлинности денег.

Улыбка — беспрестанная болтовня — счет. Дрина вынимает десять тысяч. Девушка берет, на миг ее глаза застывают на купюре (удивление? подозрение?), потом отсчитывает сдачу, помогает Дрине надеть плащ и провожает ее до выхода. Дрина знает, что парикмахерша застынет в поклоне, пока Дрина не исчезнет из поля зрения. Уже начинает спускаться на эскалаторе, когда за спиной слышит:

— Госпожа Судзуки! Минуточку!

Все, попалась... — думает Дрина, делает лицо «я самое невинное создание в мире» и только тогда оборачивается. Девушка бежит к Дрине с протянутой рукой.

— Это ваша книга, да? Кто-то на нее положил журнал, поэтому мы не сразу заметили, а теперь коллега стала убирать и нашла. Она говорит, «это только госпожи Судзуки книга может быть». Ну да, ведь такие буквы в Японии не увидишь. А что это за язык?

— Ох, да, действительно, моя книга! Спасибо, что принесли. До свидания... а, да! это сербский язык.

Девушка явно про такой не слыхала: она моргнула, на ее лице появилась неловкая улыбка, но у Дрины не было желания заниматься просветительством; она еще раз поблагодарила и ушла.

Ф-у-у... Деньги, похоже, настоящие. Дрина распрямила плечи и решила пойти в магазин обуви. В том магазине продавались туфли от Сибиллы. Не туфли — а изюминка! Со свежей укладкой, элегантно одетая, она совершенно готова для приобретения стильной обуви. Но в груди опять что-то защемило. *А вдруг... только эта купюра была настоящей, а другие фальшивые?* Дрина меняет направление и идет к супермаркету. У них уж точно каждая купюра проходит проверку на подлинность — надо проверить еще одну. А потом, Дрина пообещала себе, она успокоится. Дорогие туфли и мало кому известные духи за полчаса не раскупят.

Дрина стояла у кассы слегка напряженная. Опозориться здесь не то что в парикмахерской — здесь гораздо больше народа. Но касса без запинок проглотила очередную десятитысячную купюру, а кассирша с улыбкой дала Дрине сдачу и пожелала ей хорошего дня.

Ну, пожалуйста, теперь уж точно можно расслабиться, — думала Дрина, но выйдя из супермаркета, она поняла, что за туфлями Сибилла ей сегодня не суждено отправиться: кто заходит в магазин дорогой обуви с двумя полиэтиленовыми пакетами, набитыми продуктами? Из одного, кстати, торчал лук-порей! *Нет, не сегодня*, — решила Дрина и пошла домой. В самом деле, так даже лучше! Откладывать удовольствие, дольше предвкушать...

Но, забегаая вперед, откроем, что Дрине не суждено ни в изящных туфельках от Сибиллы щеголять, ни бесподобными духами «Монтель» благоухать.

Причиной всему банальный унитаз и еще более банальный кухонный кран. В тот же день, полный стрессов по поводу возможной фальшивости бог весть откуда мате-

риализовавшихся сорока тысяч йен, вечером в доме Судзуки засорилась канализация. Мужа еще не было дома, Дрина сама попыталась решить проблему, но вода в унитазе как накопилась почти до крышки, так и стояла уже два часа, не стекая. Вызов сантехника в Японии стоит немалых денег, но деваться было некуда, и Дрина позвонила в одну из частных служб, рекламные магнитики которой присосались к их холодильнику.

Мастер пришел, в прихожей снял ботинки, из сумки вынул свои тапочки и, кланяясь и улыбаясь, прошел в туалет. Сама работа длилась буквально несколько минут. После того как сантехник продемонстрировал бедной Дрине, что унитаз исправно работает, он из той же сумки вынул маленький портативный пылесос, пропылесосил коврик перед унитазом, а потом долго заполнял какие-то бумаги. Дрине пришлось три раза — на трех разных документах — поставить свою подпись и заплатить двадцать тысяч. Дорогое удовольствие. Дрина думала, от чего отказаться: от тувель или от духов?

На следующий день, ни с того ни с сего, начал течь кран на кухне. *Сто лет* работал исправно, и вот тебе на! Именно когда Дрина, пройдя через угрызения совести, решила-таки устроить себе праздник, все в доме ломается и требует дорогостоящего ремонта. То, что еще один вызов сантехника влетит ей в копеечку, Дрина понимала, но что новый кран и работа мастера стоят шестьдесят тысяч — она и подумать не могла. Не она одна — муж тоже стоял с квадратными глазами, пока мастер — тот же улыбочивый и быстроработающий опрятный человек — заполнял квитанции.

Дрина решила, что это наказание. *Ты захотела потратить не свои сорок тысяч, вот тебе, плати восемьдесят!* Уравнение было чудовищным, но даже про себя она не стала вопить о справедливости. Не иначе как темные силы вмешались — кого тут к справедливости призывать! Дрине даже улыбка вежливого сантехника стала казаться сатанинской. *Вот он — ангел мщения.* Она и смеялась своим глупым мыслям, и оплакивала кошелек, который пустел, словно по мановению волшебной палочки. Подумала даже, что неплохо было бы избавиться от сумки и от сорока тысяч йен (хотя тех четырех купюр у нее уже не было), но тут же ужаснулась откуда-то взявшемуся суеверию, ей не свойственному. Сумка-то хорошая, приобретенная законным путем, деньги-то уже ушли — от чего и зачем избавляться?

Дрина успокоилась. Ну, как успокоилась? В смысле: *эту* тему она для себя закрыла. А быть спокойной — глобально — ей не удастся. Как быть спокойной в стране, в которой чуть ли не каждый день трясет? Как быть спокойной, когда в доме есть много метров водопроводных и канализационных труб, в которых творится бог весть что? Где найти спокойствие, когда ребенок растет и больше не прячется все время у тебя под крылом? А по миру расползлись террористы, антиглобалисты и рецидивисты...

Но если *подмести под ковер* весь этот сор разных страхов, на душе у Дрины станет чисто. Из-за какой-то сумки, сделанной человеческими руками, и из-за денег, положенных туда такими же человеческими руками, она больше не переживала.

Вечером Дрина позвонила матери. В это время мама обычно была дома, пила второй утренний кофе. Сербия отстает от Японии зимой на восемь, летом — на семь часов.

— Мам, привет! Генки?²

— В общем-то, генки, но..., — мама сделала паузу.

Дрина с матерью общались на сербском языке, но были некоторые словечки и фразы из японского языка, для которых им трудно было найти замену. Мама Дрины долго жила в Японии, и они всегда так разговаривали. Мало что изменилось, хотя отца давно нет в живых и мама вернулась в Сербию.

История рождения Дрины и происхождения ее необычного имени таковы.

² *Генки* на японском означает хорошее самочувствие; при приветствиях употребляется в значении «как дела, как поживаешь?».

Молодой сотрудник японской фирмы Т поехал на три года в их филиал в Сербии. Тогда это еще была Югославия. Об этой стране у него не было никаких знаний, что, с одной стороны, вызывало беспокойство, а с другой — позволяло мечтать. Когда что-то знаешь вдоль и поперек, для мечты не остается места. На скорую руку, за месяц до отъезда, он начал брать уроки сербского языка, чтобы быть в состоянии хотя бы поприветствовать югославов при встрече и сказать несколько слов о себе, а также сходить на рынок и в ресторан. Потом, насколько позволяло время, он познакомился с югославской литературой, прочтя те несколько книг, что были переведены на японский язык. В первую очередь это был роман «Мост на Дрине» нобелевского лауреата Андрича. Книга ему очень понравилась, а само слово *Дорина* (японцы не могут произнести двух согласных звуков подряд и между ними добавляют то «о», то «у», поэтому Дрина в японском варианте превратилась в Дорину) для его слуха звучало завораживающе. В Югославии он узнал, что Дрина может быть и женским именем, хотя оно, правда, стало реже встречаться. Каково было его удивление, когда он узнал, что бабушку его избранницы звали именно так! И он сказал своей будущей жене, что если у них будет девочка, то он очень хотел бы назвать ее Дриной. Так и случилось: в роддоме небольшого города Кралево в тысяча девятьсот семьдесят третьем году родилась Дрина Икезава.

По окончании контракта папы молодая семья переехала к нему на родину, в Токио. Жили дружно, мама с Дриной осваивали японский язык — мама не так быстро, как дочка, но все же через какое-то время она говорила вполне сносно. Несколько лет спустя она нашла хорошую работу, жизнь стала более приятной, наполненной, даже, можно смело сказать, счастливой, но в один миг счастье оборвалось: муж погиб.

Семья звала вернуться в Югославию, но Дрине не хотелось уезжать из Японии. Она была уже подростком, ее не возьмешь под мышку, как грудничка. Ездил она к тем родственникам охотно, но только на каникулы. О том, чтобы распрощаться с подружками и идти в югославскую школу, она и слушать не хотела. Мама и сама понимала, что менять судьбу уже большого ребенка трудно и болезненно. И потом: на что они будут жить в Югославии? Там экономический кризис, безработица, национализм — непонятно, что вообще будет со страной. Родители помогут, но зачем их обременять, когда им и так нелегко, а здесь, в Токио, хоть и страшно одной, без мужа, но работа и крыша над головой есть — были взвешены все *за* и *против*, и она решила остаться. Только пятнадцать лет спустя, когда Дрина окончила университет, нашла работу и стала жить с Таро, мама продала квартиру и вернулась в отчий дом, половину которого унаследовала после смерти родителей.

Они всю жизнь обменивались вот такими фразами:

— Мам, я не буду больше с ней дружить, она *дзуруй*.

Это слово означает многое: хитрый, нечестный, жуликоватый.

— Дрина, не будь *вагамама!*

Емкое «вагамама» означает и «непослушная», и «упертая», и «эгоистка».

Когда Дрина возвращалась из школы или мама с работы, они друг другу говорили *тадаима*, так как в сербском языке нет приветствия, которое произносит только человек, вернувшись к себе домой. Или перед едой, сколько бы до того ни общались на сербском, они произносили *итадакимас* — благодарность за пищу.

Так продолжалось и после отъезда матери из Японии. Вставая из-за обеденного стола в доме сербских бабушки и дедушки, Дрина благодарила маму выражением *гочисосама*. «Спасибо за вкусный обед» ведь матери не скажешь, звучит как обращение к чужому человеку, а *гочисосама* легко скользит с языка.

Поэтому когда Дрина по телефону спросила «генки?», мать ответила «в общем-то, генки, но...».

Оказалось, что у матери на рынке украли кошелек.

— Было это после того, как я почти все купила и денег в нем немного оставалось, но там же ваши фотографии, вот это обидно. И еще потом пришлось полдня проторчать в милиции.

Дрине было жаль мать, но еще больше ее встревожил тайминг этого происшествия. *Ишь ты, тот, кто у нее отобрал деньги с такими чудовищными процентами, теперь и на ее семью ополчился!* Лучше всего — отнести эту чертову сумку подальше от дома.

В тот же вечер она залезла в Интернет и искала блошинные рынки в отдаленных районах Токио. *О, этот подойдет!* В районе Нэрима — дальше не бывает! — и еще работает и по будним дням. Добираться до него на трех видах транспорта — *отлично, слежку за ней на обратном пути будет почти невозможно вести!* Дрина понимала, насколько нелепа эта мысль и что никто за ней следить не собирается, но мысль возникла — и Дрина это отметила, хотя и не стала углубляться.

И вот утро пятницы. *Мальчики* пьют смузи (маленький мальчик с тысячей придинок к попыткам матери заботиться о его здоровье, большой — безропотно, хотя нелюбимые шпинат и кокосовое масло перебивают вкус и запах остальных ингредиентов), Дрина на нервах посылает сообщения не туда и напрочь забывает — она это заметит ближе к вечеру — заполнить какую-то бумагу, которую ребенок сегодня должен отнести в школу.

Вся эта суматоха в какой-то момент заканчивается; она целует мужа и сына в прихожей, кричит *иттэ раишай*³, поворачивает ключ в замочной скважине и быстро готовится выйти сама. Приняв душ, выбирает неброскую одежду (не надо, чтобы на нее обращали внимание!), кладет четыре десятитысячных — своих! тяжелым переводческим трудом заработанных! — купюры во внутренний карман злосчастной сумки, а затем запикивает побольше газетной бумаги (которая должна сохранять форму сумки), чтобы и так еле заметную молнию кармана было совсем трудно разглядеть.

На блошином рынке района Нэрима она оказывается спустя почти два часа. В других обстоятельствах она бы с удовольствием прошла вдоль рядов и даже обязательно приобрела бы что-нибудь — всегда можно найти прекрасные вещи почти даром, — но сегодня она скромно пристраивается в стороне — то ли в начале, то ли в конце рынка, — чтобы не вызывать любопытства у других продавцов. Если обратить внимание, то действительно хочется задать вопрос: «А вы только одну сумку пришли продавать?» Выглядит это в лучшем случае странно, хотя большое количество людей охарактеризовали бы ее поведение как «подозрительное».

Дрина положила газету на бетон и уселась на нее. Перед собой она разложила красивый зеленый платок и на нем поместила сумку с прикрепленной ценой: 100 ¥ / 100 Yen. Пусть будет и на английском.

Сначала она просто сидела и читала, стараясь не привлекать много внимания. Слава богу, первыми соседками были две молодые женщины, занятые болтовней и вязанием — они продавали вязаные украшения и кофточки, — и Дрину не замечали. Но старик до них явно скучал. Он продавал чеканную посуду и еще какие-то разношерстные вещи, и по тому, как он оглядывался по сторонам, видно было, что ему скучно без компании. Дрина уткнулась в книгу — не ровен час, еще дед придет общаться. Чтобы еще больше обезопаситься, Дрина раскрыла солнечный зонтик и им отгородилась от остальной части рынка.

Посетителей на рынке было немало, но на товар по краям они обращали мало внимания. Мимо первых столиков проходили почти рассеянно, чтобы постепенно начать сбрасывать скорость и только у четвертого-пятого лотка остановиться, взять вещь в руки и прикинуть, нужна ли она им. Но Дрина не теряла надежды. И действительно

³ *Итте раишай* — еще одно из труднопереводимых японских выражений, что-то вроде «удачно иди и вернись», его всегда произносит тот, кто провожает.

но, одна пожилая пара остановилась (они, наверное, уже находились и устали), женщина сразу спросила: «можно ли посмотреть?» Конечно, — сказала Дрина и встала. *Настоящая кожа*, — сказала она, надеясь, что женщина не спросит: «А почему вы такую хорошую вещь продаете за сто йен?» Женщина расстегнула молнию, коротко осмотрела сумку изнутри, застегнула молнию обратно, еще немного покрутила сумку в руках, приложила к себе, бормоча: «Великовата для меня... а жаль... хорошая сумочка»; муж только кивал головой, через нос выпустил несколько соглашающихся «мгм», и они, поблагодарив, удалились. Дрина собралась вновь сесть, когда появились две немолдые американки.

— Лиз, посмотри эту сумку! Помнишь, я тебе говорила, что хотела бы купить сумку из кожи с рыжеватым оттенком, к тем туфлям. Вот приблизительно такую я себе представляла. Невероятно! Давай посмотрим. Здравствуйте, — обратилась она к Дрине, — можно посмотреть?

Дрина сделала вид, будто по-английски не говорит, и просто с улыбкой протянула сумку. Американка деловито приложила ее к себе — Дрина подумала, что женщине такого роста нужна сумка побольше, — сказала «очень красивая», расстегнула ее, подвигала газету туда-сюда, застегнула, добавила: «А этот внешний карманчик как раз для ключей! их никогда не нащупать внутри сумки...»

— Сколько? — спросила американка, а «немая» Дрина подняла упавшую бумажку с ценой.

— Сто йен? Лиз, это же кожа, понюхай! Сто йен?! Почему так дешево? — направила американка свои удивленные глаза на Дрину.

— *Ай донто спикю ингуриши*, — сказала Дрина с наигранным японским акцентом и пожала плечами с величайшим сожалением.

Американка не расстроилась из-за несостоявшегося разговора.

— Знаешь, Лиз, даже если это самая плохая подделка кожи и если сумка развалится на второй день, сто йен мне не будет жаль. Ты понимаешь, что это меньше доллара! — женщина вынимала кошелек под одобрительные комментарии подруги.

— Thank you very much, — сказала на прощание американка, а ее подруга на всякий случай перевела для Дрины: — *Домо аригато!*

Не успели американки дойти до лотка скучающего старика, а Дрины и след простыл.

Быстрой в автобус, потом на одну ветку метро, затем на другую! Даже если эти две леди откроют, что сумка с *приданным*, и пожелают вернуть ее или содержимое потайного кармана, им, туристкам, ее не найти. Пусть наслаждаются неожиданным подарком, пусть у них останется самое хорошее впечатление от Японии.

Придя домой, Дрина сразу залезла в душ. Токийское лето жарко и влажно; за те несколько часов, что Дрина провела на улице, у нее на теле и на одежде не осталось ни одного не пропитанного потом места. Душ омывал тело и снимал нервное напряжение. Вышла она из ванной, чувствуя себя гораздо лучше. Последние шесть дней расслабиться не удавалось, и она собиралась остаток этого дня провести, делая вещи, которые ей приносили удовольствие: смотреть кино, читать, а вечером приготовить ужин, к которому даже у привередливого Наоки не будет замечаний. Они будут ужинать, мальчики ей расскажут, как прошел их день (акцент будет на сегодняшней тренировке, на том, что получается, а что хромает у защитника Наоки, затем начнется обзор мирового футбола, стиля игры знаменитостей, таких, как Месси, Неймар, и легенд, как Румменигге, Франц Беккенбауэр, Пеле...), а когда, в конце, они спросят, чем она занималась, она скажет «то да се, как всегда». Они всегда после своих подробных рассказов интересовались, как мама провела день, но довольствовались ее расплывчатыми ответами — уточняющих вопросов, типа «что ты сегодня делала *то*, а что пришлось совершить *се?*», они не задавали, уверенные, что женщину все равно не поймешь. С такой семьей Дрина могла работать и агентом ЦРУ — они бы не заметили.

Дрина оделась в легкую домашнюю одежду, взяла книгу и комфортно устроилась на диване. Но перед тем как окончательно расслабиться, Дрина посмотрела, не было ли телефонных звонков, пока она мылась. Да, один пропущенный звонок, с незнакомого ей номера. Может, звонили по работе? Она перезвонила.

— Добрый день. Это городская библиотека района Нэрима. Чем могу вам помочь?

Дрина чуть не уронила телефон. *Нэрима?! В ее голове молниеносно возник сценарий: американка нашла сорок тысяч йен и решила разыскать бывшую владелицу. Да, у этой Мэри или Джейн было такое честное лицо! Она, наверное, по воскресеньям посещает церковь и исполняет все божьи заповеди — такой человек не возьмет чужого ни за что. Тетеньки отнесли сумку в библиотеку и попросили помочь им вернуть деньги.* Да, только так могло быть, никак иначе...

То, что в таких случаях люди обращаются в полицию, а не в библиотеку, тоже мелькнуло во взволнованной голове Дрины, но она это себе объяснила так: *просто-напросто они тогда проходили возле этой библиотеки и решили, что там, наверное, найдется кто-нибудь говорящий по-английски. Или зашли туда, потому что не могли найти милицию...*

Но откуда же у нэримской библиотеки ее номер телефона?! Неужели и в Японии есть свой «Большой брат»? За всеми ста тридцатью миллионами японцев ведется слежка, что ли? В общем-то, камеры на каждом шагу...

Ее путаные мысли прервал тот же женский голос:

— Алло?

Дрина очнулась и решила прояснить ситуацию.

— Да, прошу прощения. Меня зовут Дрина Судзуки, у меня зафиксирован пропущенный звонок с вашего телефона. Это странно, потому что я, — Дрина хотела было сказать «никогда не была в вашем районе», но такую ложь можно легко разоблачить, посмотрев записи камер видеонаблюдения на автобусных станциях и в метро, поэтому она сказала: — Я никогда не брала книг в вашей библиотеке.

Женщина попросила подождать. Через минуту она объяснила:

— Да, действительно, один наш сотрудник звонил по вашему номеру, но он пытался дозвониться до нашего пользователя господина Ота, только, видимо, ошибся последней цифрой. Извините за беспокойство!

Дрина положила трубку и рассмеялась. Как легко вызвать в ней паранойю! Сначала заколдованные деньги, потом конспирация двух пожилых американок и сотрудников не имеющей к ней никакого отношения библиотеки отдаленного токийского района. Сейчас вот-вот к ней ворвутся американские «морские котики» (с них будет течь вода, а с винтовок будут свисать морские водоросли и осьминоги — ха-ха! Дрина насмотрелась и напереводилась американских комедий), чтобы арестовать ее, потому что в Вашингтоне узнали, что она главный заговорщик против Барака Обамы...

Наконец-то можно расслабиться. До возвращения Наоки из школы Дрина провалялась на диване с книгой. Этим утром Таро сказал, что задержится на работе, а у Наоки вечерняя тренировка по футболу, так что с ужином можно не торопиться. За продуктами Дрина пошла под вечер. Они с сыном вышли вместе.

Расставаясь у спортивной площадки, Дрина спросила Наоки, взял ли он ключ — ребенок похлопал себя по карманам: оказалось, что забыл.

— Но ты же будешь дома, да? Никуда не собираешься?

— Нет, нет, спрашиваю на всякий случай. Буду ждать тебя с ужином, но мало ли что... Всегда носи с собой ключ!

Купив макарон, помидоров и остальных ингредиентов для любимого блюда Наоки, Дрина вернулась домой, откупорила бутылку красного сухого вина — чтобы добавить в томатный соус и чтобы отметить завершение нелепой истории с сумкой —

и стала чистить репчатый лук, когда позвонили по мобильному телефону. *Опять кто-то из района Нэрима?!*

Нет, звонили по работе. Агентство, в котором она числилась переводчиком с английского и сербского языков, получило запрос от одной телевизионной компании. У них был видеоматериал, который надо было перевести с сербского языка.

— Судзуки-сан, телекомпания Ф требует перевода интервью с сербскими волейболистками. Как можно скорее...

Да, им всегда нужно как можно скорее. Всегда прямо горит. И требуют сообщить им — с точностью до минуты, — как быстро сможешь до них доехать. И ты носишься как угорелый — так было поначалу, когда Дрина была еще неопытной — прибегаешь, еле переводя дыхание, — а они тебе говорят: «Вы присядьте тут, подождите, материал нам еще не прислали». Впрочем, ей все равно: гонорар начисляется с момента ее прибытия на телестанцию, и за то, что она будет читать книжку или медитировать, платят они, так что Дрина со временем усвоила правило *торопись не спеши*.

Но сегодня она замешкалась с ответом, потому что Наоки не взял ключа от квартиры. Придется отказать, но этого бы она хотела избежать. Во-первых, нужны деньги (та проклятая сумка стоила ей восемьдесят тысяч йен!), а во-вторых, откажешь один-два раза, и потом не позовут. Надо соглашаться, но как? Дрина сказала агенту, что перезвонит через несколько минут, ей надо кое о чем позаботиться. Положив трубку, Дрина стала переминаясь с ноги на ногу — *что же делать-то?* Муж на работе, ребенок на тренировке не слышит телефона... патовая позиция. Очищенный лук начал щипать глаза. Дрина, чтобы не плакать зря, стала его мелко резать — теперь слезы уже текли ручьем, — думая, как повернуть это дело, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. У Таро обычно имеется какой-нибудь мудрый совет, так что она решила позвонить мужу. Даже если Таро не поможет советом, то она хотя бы пожалуется. И это какая-то польза...

— О, привет! Я как раз взял трубку, чтоб тебе позвонить. С той работой я справился раньше, чем думал, и теперь собираюсь домой.

Фу-у-у... — вздохнула с облегчением Дрина, вытерла слезы, пригубила вина и позвонила в агентство, сказать, что берется за работу.

— Ох, Судзуки-сан, это прекрасно, вы меня выручили! Я свяжусь с телевидением, уточню все подробности и потом сброшу вам сообщение. Еще раз спасибо вам огромное!

Приятно быть востребованной, — довольно сказала себе Дрина, добавляя помидоры в сковороду с жареным луком. Одной рукой перемешивая соус, другой она солила воду для макарон в кастрюле. Попробовала, получилась ли соленость морской воды. Получилась. Захотелось музыки. И совершенно конкретно: той радиостанции с югославской музыкой восьмидесятых годов, но для этого надо идти в зал, включать компьютер, искать эту станцию — а соус находился в фазе, когда от него нельзя отходить ни на секунду. *Ладно, она сама себе будет петь!*

Тем временем пришло сообщение от агента. Наливая вино в соус, Дрина одним глазом пробежалась по экрану мобильного телефона. *Телевизионная станция Ф, спортивная редакция, фамилия редактора Ко...* — ах! ты что творишь?! — крикнула Дрина сковороде и прижала к губам обожженный палец. На соусе рождались пузырьки, они лопались, и соус разлетался по стенам кухни, по полу, попал и Дрине на руку. Она уменьшила огонь и, безостановочно перемешивая, продолжила читать сообщение. *Редактор, значит, Кониши? Кобаяши?.. как там его?.. куда делась эта строка? наверное, Кобаяши... потом проверю... начало работы — 20 часов, перевод с сербского языка видеоматериала с мирового кубка по женскому волейболу.*

Вода для макарон никак не закипала, и Дрине пришлось остановить процесс. Главное, что соус готов, *мальчики* могут и сами сварить макароны и нарезать салат. Так что получится *и семья сыта, и работа сделана*.

Дрина переоделась и уже шла к прихожей, когда услышала звук открываемой входной двери, и Таро крикнул ей «тадаима». Замечательный тайминг! Она поцеловала его, подождала, пока он снимет обувь, а потом, обуваясь, объяснила, что на кухне сделано, а что надо доделать. Таро уже был почти в зале, когда спросил: «А на какое телевидение идешь?» Она ответила «Ф», на что он прокомментировал: «Неудобно, придется пересаживаться...»

Застегивая вторую туфлю и рукой шаря по ящику в поиске ключей, Дрина крикнула ему вслед:

— Да нет, как раз очень удобно. Сажусь тут рядом на станции «Курамаэ», еду до «Роппонги Хилз», а там пешком от силы десять минут.

До этого голос Таро отдалялся, а теперь он приближался, пока не стал совсем рядом, вместе со сконфуженным лицом Таро.

— Так тебе на какое телевидение надо: на Ф или на А?

— На Ф же! — сказала Дрина, словно обращаясь к непонятливому ребенку. И в тот же момент ужаснулась: она ведь и с агентом когда разговаривала, повторяла «Ф», и мужу сообщила «Ф», а все время собиралась на телевизионную станцию А! Она же на своем мысленном экране видела себя спешащей к станции метро «Курамаэ», потом читающей в полупустом в эти часы поезде — она всегда с такой радостью выбирает, что будет читать в транспорте, — затем подходящей к белому зданию телевидения А, недалеко от Токийской башни, красной версии башни Эйфелевой — она вечером прекрасно иллюминирована... Дрина чаще всего по работе ходила на телестанцию А, и то, что она исправно повторяла Ф-Ф-Ф, не помогало — она бы по привычке отправилась в хорошо знакомое место. Какой ужас... и какое счастье, что муж вернулся в нужный момент! И не только появился, когда надо, но и предложил отвезти, потому что до телевидения Ф дальше, чем до А, и Дрина бы не успела к назначенному времени. Он знал, какой рассеянной иногда бывает его жена, поэтому не очень удивился, да и ее «боже, какое ты золото! я без тебя не могла бы жить...», хотя и сказано было в наигранно-театральной манере вкупе с глубокими вздохами и возведением глаз к потолку, ему чуточку льстило.

Пока муж по кратчайшей дороге подвозил ее к работе, она думала, как выглядел бы ее вечер, вернись Таро буквально на одну минуту позже. Она это явственно видела, словно кино: *Таро поднимается на лифте, а она тем временем спускается по лестнице и идет к линии метро Оэдо, станция «Курамаэ». Проходит мимо большого здания со стеклянным первым этажом, в зеркале которого она всегда проверяет, все ли в порядке: не завернулась ли штанина? не гуляет ли пояс юбки? волосы хорошо уложены?*

Дом заканчивается у перекрестка большой улицы в четыре полосы, вдоль которой движется Дрина, и узенькой улочки, в которую почему-то машины практически никогда не заезжают; Дрина смело переходит на красный свет. В общем-то, она — законопослушная японка, но вот красный цвет светофора активизирует ее сербские гены. Буду я у них ждать разрешения перейти улицу, ага, шас!

Чуть дальше забегаловка с лапшой рамен. Из нее доносится заманчивый запах, и Дрина бы на несколько метров раньше поняла, что проголодалась. Время ужина, а она мчит-ся из дому. Когда закончит перевод — неизвестно, поэтому неплохо было бы по дороге купить хотя бы булочку. И все же как здорово, что удалось приготовить ужин! Мальчики поедят вовремя, и мне будет что поесть, как только вернусь домой, — думала Дрина в машине.

Идя по мосту через реку Сумиду, Дрина бы любовалась беспечными туристическими лодками. Сегодня пятница, а по пятницам их особенно много. В деревянных домиках на

воде, подсвеченных красными фонарями, народ сидит на полу за низкими столиками, ест традиционные японские блюда и выпивает — сначала обязательно пиво, а потом переходит на родное саке. Дрине не завидно, что они уже отработали и отдыхают, тогда как она спешит на работу — такое зрелище ее всегда успокаивает, так сказать, заземляет: мир не рехнулся, не все куда-то бегут, все как всегда, и это хорошо.

На том конце моста полицейская будка, рядом с ней светофор. Как бы перекресток. Все той же большой улицы Касуга и узенькой улочки, из которой очень редко появляются машины, но на глазах у полицейских Дрина стесняется нагло переходить ее на красный свет. Даже в своем кино. Поэтому она, на правах режиссера, быстро включает зеленый свет и поворачивает влево, в метро.

Линия Оэдо относительно новая — лет десять? пятнадцать? — короче, на веку Дрины ее строили. Пришлось копать очень глубоко, под уже существующими ветками. Об этом Дрина думает каждый раз, когда спускается, и еще чаще, когда поднимается (особенно если нет эскалатора). Но все же здорово, что линия Оэдо есть, она сделала значительно ближе друг к другу многие районы Токио.

В это время на станции «Курамаэ» пассажиров мало. В сторону «Роппонги Хилз» поезд идет полупустой. Всегда можно сесть и начитаться за милую душу.

Таро что-то спросил. Дрина остановила свое кино.

— Что-что?

— Говорю, если хочешь, я приеду за тобой. Когда приблизительно закончишь?

— Понятия не имею... Скорее всего, вы уже будете спать. Не заморачивайся, я на метро. А если будет слишком поздно, дадут такси. Не волнуйся.

Между высотными зданиями на горизонте, на другом конце города, мелькнула Токийская башня. Красная, подсвеченная. Вот не вернись Таро домой вовремя, она бы сейчас выходила из метро там, рядом с башней...

Совсем рядышком и с метро, и с башней станция телевидения А. В оговоренное время Дрина бы подошла на ресепшен и сказала:

— Добрый вечер. Меня зовут Дрина Судзуки, я переводчик. Мне надо в спортивную редакцию. Будьте добры, позвоните господину Кобаяши и скажите, что я пришла.

Это стандартная процедура. После этого милая-премилая девушка подняла бы трубку и нежным-пренежным голосом сказала бы кому-то в спортивной редакции, что госпоже Дрине Судзуки надо к господину Кобаяши, для перевода.

И вот тут-то начинается трагикомедия... хотя, собственно, началась она раньше. Дрину, на пассажирском сиденье их машины, в которой Таро везет ее к станции телевидения Ф, охватывает ужас, но одновременно, в низу живота зарождается хохот. Вот это был бы номер, если бы ей на ресепшене та милая девушка, прося прощения, словно это ее вина, сказала бы, что в спортивной редакции телевидения Ф нет человека с таким именем! Или нет — о, это еще круче! — Кобаяши есть (это же ничуть не редкая фамилия), и вот Дрина поднимается на лифте. Тем временем тот Кобаяши — бедняга... — пытается понять, отчего эта переводчица Судзуки... как ее там?.. решила, что она ему нужна? Он стоит растерянно, почесывая макушку. Может, кто-то из коллег звал переводческое агентство, но забыл ему сказать? Или его разыгрывают?

И вот переводчица подходит. Она на порядок старше его, ходит с прямой спиной, уверенная в себе, слегка высокомерным взглядом скользит по бардаку в их редакции, а ему хочется спрятаться в мышинной норке. Вдруг у переводчицы звонит телефон. Она и на звонок отвечает так же уверенно-высокомерно. «Да, я вас слушаю. Как где?! В спортивной редакции. Какого телевидения, говорите? А...»

Ее лицо меняется. Глаза расширяются, она бледнеет — стоп! хватит такого кино...

Дрина вернулась в здесь и сейчас, погладила по руке своего мужа-водителя-спасителя. Он подвез ее к главному входу, пожелал быстро справиться и повторил, что приедет за ней, если надо.

На ресепшене Дрина привычно рассказала, кто она и что ей нужно. Ей выдали пропуск и рассказали, как найти спортивную редакцию на двадцать третьем этаже. Телевидение Ф гораздо больше телевидения А. Спортивная редакция огромна. Дрина обращается к первому встретившемуся ей молодому человеку:

— Прошу прощения! Я пришла для перевода с сербского языка. Вы не подскажете, где господин Кобаяши?

— Сейчас поищу, — сказал любезный молодой человек. Дрина смотрела, как он возникает в разных уголках редакции. Поиск нужного ей Кобаяши затянулся. Через какое-то время любезный молодой человек вернулся и спросил:

— А его действительно зовут Кобаяши? Может, все-таки Коидзуми? У нас Коидзуми просил переводчика с сербского языка...

Дрина вынула телефон, проверила сообщение. Точно, Коидзуми! Она перепутала все, что можно... но теперь она в нужной телестанции, рядом стоит нужный редактор — можно вздохнуть с облегчением и даже посмеяться над собой. Дрина расхохоталась, и ее смех подхватили парни и девушки за компьютерами. Они вместе с ней следили за молодым человеком, который искал их коллегу Кобаяши. Некоторые, наверно, думали про себя, кто такой Кобаяши, другие понимали, что идет поиск несуществующего человека, но стеснялись вмешаться. И теперь все дружно смеются, Дрина громче всех — ведь она знает про себя то, чего не знают они...

Коидзуми посадил Дрину за компьютер, показал файлы, которые надо переводить, и она принялась за работу. Потекло спокойное время. Она даже забыла о голоде. Около одиннадцати часов Дрина закончила и позвала редактора, работающего по другую сторону стола за другим компьютером.

— Кобаяши-сан!

Он ей мило улыбнулся.

— Я Коидзуми.

О, боже...

— Простите, пожалуйста! Я закончила перевод. Теперь я уйду и больше вас никто не будет называть Кобаяши.

Они оба посмеялись, он посмотрел перевод.

— Спасибо вам, Судзуки-сан. Только подождите минуточку, я посмотрю, не прислали ли новый материал.

Живот урчал. Дрина влила в него полбутылочки воды и запретила себе мечтать о макаронах под вкусным соусом с красным вином. Коидзуми вернулся с виноватым видом.

— Я понимаю, что поздно... но есть еще кое-что, что срочно надо перевести...

— Давайте, давайте! Сделаем, конечно, — сказала Дрина бодро, а про себя добавила: «Буду переводить, стоя коленями на горохе». Она все еще не могла простить себя за то, что посягнула на чужое имущество.

Дрина еще не работала на этом телевидении, но похожая работа есть на всех телевизионных станциях, поэтому она не удивилась. Сидеть за компьютером в окружении такого же сонного народа до двух-трех часов ночи ей не впервые.

Новый материал она переводила почти час. Закончила. Позвала редактора:

— Кобая... Коидзуми-сан!

Парень бодрствовал благодаря второй банке *ред була*; он улыбнулся Дрине, которая со скрипом напоминала его имя, и подошел.

— Прекрасно! А чуть дальше вот то интервью — оно на каком языке? На английском?

— На русском и на английском.

— А можно вас попросить перевести еще и эту часть с английского? Вроде бы не много осталось...

— Хорошо, переведу.

Несколько российских волейболисток поделились своими впечатлениями от матча с японским клубом «Хисамицу», кто-то за кадром это перевел на английский — Дрина все сделала за пятнадцать минут. За эти пятнадцать минут Токио перешагнул в новый день. Большинство молодых сотрудников спортивной редакции уже ушли домой, но большое помещение пока еще не выглядело пустым.

Из Цюриха коллеги присылали новый материал. Коидзуми попросил Дрину подождать и предупредил, что ждать придется, как минимум, полчаса. «А то и больше... сегодня что-то не так с сетью, связь часто прерывается, и приходится скачивать заново», — сказал он сокрушенно.

— Да, бывают такие дни... — с пониманием ответила Дрина, про себя добавив: «У меня-то сегодня одни короткие замыкания...»

Раз уж есть время и желудок больше не удастся обмануть водой, Дрина решила пойти перекусить. В зданиях телестанций всегда есть столовые, и работают они допоздна, а также круглосуточно открытые магазинчики, где можно купить все — от ланч-пакета и сладостей до зубных щеток и колготок. Прошлый раз, когда Дрина несколько дней (вернее, ночей) подряд работала на телевидении А — куда чуть не отправилась сегодня, — она после полуночи делала то, что дома себе не позволяла: лакомилась вкусными пирожными — с жирным кремом! — и пила кофе, который в этих магазинчиках варят отменно.

От одной мысли о вредной, но вкусной выпечке у Дрины еще больше заняло в животе.

— Кобаяш... Коидзуми-сан! Ну, нет, не идет вам эта фамилия... Вы же Кобаяши! Личо у вас Кобаяши... — Дрина решила затянувшееся недоразумение перевести в шутку; она просто знала, что этот полноватый добряк на нее не обидится.

— Хорошо, я сменю фамилию, — мягко сказал Коидзуми, улыбаясь.

— Прекрасно! Раз мы это решили, у меня другой вопрос. Есть ли какой-нибудь «Севен Элевен» или «Фэмили Март» в здании телевидения?

— Есть «Фэмили Март», на первом этаже. Только немного сложно добираться, с пересадкой.

«Везет мне сегодня на пересадки...» — с досадой подумала Дрина и сосредоточила все оставшееся внимание на инструкции.

— Смотрите: мы на двадцать третьем этаже. Спуститесь на восемнадцатый, выйдете из лифта и идите налево — там переход, соединяющий нашу башню с соседней, в которой «Фэмили Март». Оттуда на лифте спуститесь на первый этаж, там тяжелая стеклянная дверь — пройдите через нее и поверните направо, там увидите магазин.

Дрине что-то подсказывало, что и на этот раз не обойдется без приключений.

Вот восемнадцатый этаж, вот переход, а вот и лифт. Пока все идет гладко. Только лифт какой-то... непрезентабельный. Может, гости телевидения сюда не поднимаются, поэтому не стали наводить красоту? Сэкономить там, где можно сэкономить. Правильно... *Но не до такой степени, однако...* — думала Дрина, нажав на кнопку первого этажа. Лифт был явно не предназначен для перевозки людей. *Ну, подумаешь, не тот лифт — главное, чтобы довез до первого этажа, а там разберусь,* — успокоила себя Дрина.

После не очень мягкой посадки дверь открылась со скрипом, и Дрина очутилась в маленьком предбаннике, откуда в три стороны вели двери. Все двери были закрыты на ключ. М-да... Не туда попала. *Ладно, поднимусь обратно,* — не слишком расстраиваясь, сказала себе Дрина. День такой — она должна до конца делать *не то...* Но ничего — ночные часы проходят, счетчик ее рабочего времени безостановочно вращается, она уже, пожалуй, заработала те проклятые сорок тысяч йен. Сантехник бы, например, столько заработал за получасовую работу... Но что важнее — канализация или иностранные языки? Конечно, канализация!

Со второй попытки на восемнадцатом этаже, несколькими метрами дальше, обнаружился нормальный лифт. А внизу — нормальный, *гостеприимный* первый этаж, с тяжелой стеклянной дверью и обещанным «Фэмили Мартом». Первое, за что зацепился ее голодный взгляд, была большая булка из слоеного хрустящего теста, заполненная заварным кремом и сверху щедро смазанная взбитыми сливками. *Калории! Побольше калорий!* — потребовал организм, в последний раз накормленный девять часов назад. И кофе, сваренный специально для нее, — *боже, как мало нужно человеку для счастья!* В такие моменты Дрине не хотелось слушать лекции о превосходстве духовной пищи... на пустой желудок они плохо усваиваются.

А где бы сесть и спокойно поесть? — думала Дрина, оглядывая стекло и бетон вокруг себя. В телевидении А в стеклянном переходе между башнями стоят столики со стульями, она всегда там устраивалась и ела с видом на Токийскую башню. А здесь никаких стульев и скамеек. Она вышла через тяжелую дверь и уже было повернула в сторону лифтов, когда увидела продолговатую табуретку с мягкой обивкой. *Вот здесь и поужинаю,* — сказала она себе, видя что охранники не обращают внимания на то, что происходит за спиной, — они смотрели на входную дверь, через которую, несмотря на поздний час, то и дело проходили сотрудники и съемочные группы. Пока Дрина раскладывала свои покупки на табуретке и усаживалась, она боковым зрением заметила что-то большое и пестрое на стене. Всмотревшись, она ахнула: почти вся стена перед ней была в черно-белых фотографиях из жизни Пабло Пикассо, а в центре располагалась какая-то, видимо, подлинная его картина.

Ничего себе — завтрак у Пикассо! — сказала себе Дрина, погружаясь в кремово-сливочное блаженство. — *Или ужин... все равно. А ты, красавица, кто ты такая?*

Дрина аккуратно положила пирожное на табуретку и приблизила глаза к медной табличке под картиной.

«Дора Маар с кошкой».

Прости, дорогая, что я тебя не узнала. Ты, скорее всего, и сама бы не узнала себя, если бы твой странный возлюбленный не сказал, что это ты...

Глаза у модели были на разных уровнях, нос стремился в правую сторону, рот — в левую. Уши тоже по диагонали... Зато котенок на правом плече женщины был совершенно пропорционально написан.

Что-то роднило двух женщин, ту, на полотне, и эту, на табуреточке. Полуюгославское происхождение. И несуразность — лица той, на портрете, и поступков этой, на табуретке.

Какой день, боже мой!.. Сколько сил и денег было затрачено на избавление от сумки, в миг короткого замыкания сознания провозглашенной дьявольской. А сообщения, отправленные не по тому адресу, — из-за рассеянности и нежелания смириться с тем, что глаза больше не молодые... И путаница с телестанциями, с фамилиями... Если бы незнакомому человеку изложить сухие факты одного только этого дня, он бы от Дрины сбежал как можно дальше. Вряд ли у кого-нибудь возникло бы желание иметь с ней дело...

Хотя нет! Звонит ее мобильный телефон. Кто-то все-таки хочет с ней связаться... если это, конечно, не библиотека района Нэрима — звонящая своему пользователю господину Ота. В час ночи?! А что? И не такое бывает...

— Судзуки-сан, если вы поужинали, поднимитесь, пожалуйста, мы получили новый материал. Обещаю, что это уж точно все на сегодня... простите, это вас беспокоит Коидзуми из спортивной редакции.

— Кто-кто? — не сдержалась от шутки Дрина.

Парень правильно понял.

— Ну, тот, что Кобаяши...